

Проза

© Владимир Некрасов

– Что вы не пьёте пива? – сказал поэт и тут же добавил: – Какой поэт? Откуда он взялся?

– А ты не пробовал писать прозу? – спросила поэта рассудительная дама.

– По-настоящему нет, – ответил поэт серьёзным голосом.

– Пробовал, пробовал! – кривляясь, подсказал второй поэт.

– Ну вот, скажет какую-нибудь глупость и радуется, как ребёнок, – заметил первый.

Все засмеялись.

Когда пиво кончилось, эти жизнерадостные люди вновь сходили за ним да по дороге прихватили с собой ещё и проповедника.

– Грех быть богатым среди нищеты! – прямо с порога заорал проповедник.

– Мудрость хороша с богатым наследством, – возразил поэт. – И потом, когда пиво пьют, по столу течёт!

– Покажи, где это написано? – зацепился за фразу второй поэт.

– А написано это, родной, в книжке! Первоисточники надо читать! – самодовольно сказал первый.

Быстро сориентировавшись, второй поэт протянул руку в направлении первого и говорит:

– Старик, у тебя тут рубчик не тот!

– Тот, родной, тот, – возразил первый.

– Не тот, старик, не тот! – настаивал второй.

Дальше их разговор не отличался разнообразием. Каждый с завидным упорством повторял свою реплику, пропуская мимо ушей слова проповедника.

Рассудительная дама вылетела от них и погрузилась в прибрежные заросли.

– Что она там делает? – удивился проповедник.

– Загадочно улыбаюсь, – ответила дама из кустов.

Первый поэт с мешком бисера направлялся к своим знакомым.

– Тебе не тяжело? – язвительно поинтересовался второй.

– Свой груз не давит, – скрипя зубами, ответил первый.

– Старик, так бисер-то не тот! – засмеялся второй.

– Тот, родной, тот! – с бешеным терпением возразил первый.

Их реплики опять однообразно повторяются, пока в игру не вступают трансцендентные силы в лице подвыпившего тридцать третьего поэта.

– Старичок, давай поменяем номерами, – говорит тридцать третий первому.

– Не-а, поменяйся вон с ним, – первый поэт указывает пальцем на второго.

Второй поэт со словами «Эт самое... эт самое...» трагически сжимается и превращается в рыбу. Сверху стремительно падает рассудительная дама, хватая рыбу и скрывается в прибрежных зарослях.

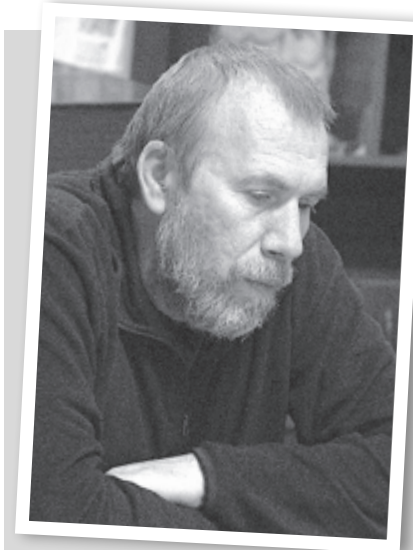
– Ну тогда скажи мне, старичок, – продолжает тридцать третий, – ведь правда, что номера наши присвоены не за таланты и заслуги, а просто в порядке бюрократической регистрации?

– Ну конечно, родной, это так, – великодушно ответил первый и похлопал тридцать третьего по плечу.

– Да, тебе хорошо говорить, ты-то первый! – заныл тридцать третий.

– Не плачь, родной, вон тому ещё хуже, – и первый небрежно кивнул за спину тридцать третьего.

Там, понутив голову, стоял тридцать четвёртый.

Справка «ММ»

Владимир Некрасов родился 23 июня 1958 года в Магнитогорске. После школы поступил в военное училище связи, а затем в Ленинградский политехнический институт имени Петра Великого. Работал санитаром на скорой помощи в Магнитогорской психоневрологической больнице.

В литературе проявил себя как мастер коротких рассказов, написанных в стиле Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. Его проза печаталась в журналах «Уральская новь», «Берег А». В 1997 году по рукописи был принят в Союз российских писателей. Окончил высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького. Был членом жюри городских литературных конкурсов: на соискание премии имени Б. А. Ручьёва и имени К. М. Нефедьева, проводимого под патронажем редакции газеты «Магнитогорский металл». Автор трёх книг прозы – «Чёт-нечет» (12+), «Трава и собаки» (16+), «Два слова» (16+).

Чёт-нечет

Закрывшись в своём гнезде, рассудительная дама любовалась раритетами, кропотливо собранными ею за долгие годы.

Коллекция давно нуждалась в системном анализе, и вот сегодня рассудительная дама приступила к регистрации.

– На первый-второй рассчитайсь!.. Правое плечо, вперёд шаго-о-ом арш!

Она выкрикивала различные команды и, видя, как тщательно и точно выполняются её указания в этом искусственном мире, заходила с бурным победным клёкотом.

Нежно ощупывая гладкие тела послушных предметов, рассудительная дама решила:

– Пусть все нечётные экспонаты будут связаны со смертью, а все чётные пусть будут холостыми.

С той поры так и повелось.

На берегу залива среди песка чернели два поэта в дорогих вечерних костюмах. Английская ткань костюма первого поэта была покрыта изящным рубчиком.

К ним приближался проповедник. Он, прихрамывая, шёл по воде. Справа от них из залива, равномерно позвякивая чешуёй, выплзала колонна марширующих поэтов. А слева из ракушек, как устрицы с ресторанных подносов, соскакивали чистые женщины кисти Боттичелли.

– Так, к женщинам нам пока ещё рано, я предлагаю занять денег у этого попа и пойти пить пиво, ну, возможно, прихватим с собой вон того полутрезвого тридцать третьего для компании, – предложил первый поэт.

– Да, старик, да, гы-гы гы-гы-гы! – одобрил второй.

– Здравствуйте, добрые люди, – поздоровался проповедник. – Не хотите ли взять у меня денег на пиво?

– Хотим! – в один голос ответили поэты. – Только ты нам свои двухмерные религиозные представления не излагай, мы всё это уже проходили!

Проповедник сразу отяжелел и вошёл в песок по грудь. Сверху на него коршуном упала рассудительная женщина. Откопав беднягу, она смахнула с него песчинки и положила проповедника в правый карман. В левый она заботливо положила тридцать третьего поэта и, довольная, скрылась в прибрежной зелени.

Каждый нечётный поэт, начиная стретъего, лежал в сырой земле, оставив после себя добрую память и хорошие стихи. Но этим дело не ограничилось. Весь фокус в том, что они росли в своих могилах, как гоголевские мертвецы из «Страшной мести».

– И вы не смоее всей вашей чёрной кровью поэта праведную кровь! – декламировал Лермонтова восьмой поэт. Ему внимал тридцать третий. Немного помолчав, восьмой страстно продолжал:

– Я всё время думаю о седьмом поэте. Как он велик! Он постоянно растёт в моих глазах! Он сейчас там, внизу, но я физически чувствую, как он давит на меня. Я чувствую, как поднимается земля подо мной! Я только сейчас начинаю понимать, какой это талант! Какая глыба напозлазает на меня, какой гений! Я же вижу, как он взял вот это – из Чичибабина, вот это – из Бродского, вот это – из меня... Но как он это органически переварил и построил!

Его уже нет, и вещи, предметы, которыми он пользовался: книжки, кружки, табуреты – все они катастрофически сокращаются в размерах, а отпечатки его пальцев чудовищно растут! Я трепыхаюсь и путаюсь за его гигантской спиной, попадаю в его громадные следы, как в глубокие колодцы, из которых не каждый выберется... И главное, понимаешь ли, все нечётные так себя ведут. Все они, как правило, покойники, и все продолжают расти!..

– Погоди, старичок, – перебил его тридцать третий. – А ведь мой номер тридцать три!

– Значит, это ошибка. Твой номер либо тридцать два, как раз последняя буква алфавита, либо тридцать четыре, а может быть, любое другое чётное число, конечно, за исключением восьмерки. Что же ты, дружок? В твои годы пора бы уж

определиться, – незлобно пожурил своего собеседника восьмой.

Тридцать третий озадаченно молчал.

Они стояли на земле, покрытой могилами нечётных поэтов. Меж могилами тишина цаплей бродила рассудительная дама. Она помнила их добрые поступки, но и дурные дела усопших забывать не собиралась.

Птицы, как известно, злопамятны и далеки от христианской доктрины всепрощения.

За пивом проходил оживлённый теологический диспут. Участвовали: два поэта, один из них буддист, другой завязатый рериховец, рассудительная дама – убеждённая атеистка, проповедник сектантского толка и механический автоответчик.

– И-и-идите и рассказывайте!.. – азартно говорил проповедник.

– Не говорите так, это очень интимные вопросы, – подал голос второй поэт.

– Да никакие не интимные, вот есть «Новый завет», идите и рассказывайте! – заявил проповедник.

– Духовность, духовность! – распалился второй поэт. – Ты эти понятия – «духовность», «бог», блин, как шнурки туда-сюда, туда-сюда, меняешь как перчатки.

– Кстати, я никогда в жизни не менял перчатки, – произнес автоответчик.

– По четыре раза, – вклинулся первый поэт. – Джентльмен должен в сутки менять перчатки четыре раза!

– Ну мы же не знаем об этом.

– Вы не знаете, а мы знаем!

– И что, вы меняете перчатки четыре раза?

– А как же, когда носим, тогда и меняю!

– Для меня эти понятия священные! И не надо при каждом случае, блин... – продолжал второй поэт.

– Я вот вижу, что люди, живя не духовно, могут погибнуть, поэтому иду и рассказываю, – оправдывался проповедник.

– А как вы определяете, что человек недостаточно духовно живёт? – спросила рассудительная дама.

– Времени на ответ двадцать секунд, – пропел автоответчик.

– Так он один сам спрашивает, второй даже книжку не открывал, – пояснял проповедник.

– А другой открывал и больше тебя знает, а ты ему всё это рассказываешь снова да ладом, – укоризненно вставил первый поэт.

– Да, старик, всё это очень интимно, – поддержал его второй.

– Проповедовать – это искусство, – заметила дама.

– Да, надо врать-врать, да знать меру! – согласился первый поэт. Бисер в его мешке почти кончился.

– Слова наши, как сказано, должны быть простыми: да-да и нет-нет, нужна доброта, а не ум, надо идти и рассказывать.

– Нет, старик, эти вещи не такие двухмерные, они интимные...

– Ну не знаю, вот для меня, например, прелюбодеяние – это грех, – убеждённо говорил проповедник.

– Нет, старик, ошибаешься! Женщины, они чистые! – сказал второй поэт.

– Да, чистые и скользкие, как устрицы, – добавил первый.

– Вопрос номер четыре... – заработал автоответчик.

– Это мы уже проходили, сколько раз в сутки джентльмен должен менять... Господа, я вот что вам скажу: когда человеку нужен бог, он, человек, ставит на себе крест! – весело произнес первый поэт.

Полемика разгорелась с новой силой. Второго поэта несло над Гималаями. Рядом, гордо расправив крылья, парила рассудительная женщина, а вслед за ними летела их преданная покойная собака Тузя. Это к ней обращал свои помыслы первый поэт, устроившийся в позе полистиролового бодхисаттвы на одной полке с автоответчиком:

– Дух людей всходит ли в небо, а дух животных сходит ли в землю?

– Времени на ответ двадцать секунд.

Проповедник, прихрамывая, удалялся по речной глади в сторону кинотеатра «Магнит», поспешая на запланированную проповедь.

А меж культовой статуэткой бодхисаттвы и автоответчиком лежало холодное металлическое устройство, внутри которого притаились блестящие продолговатые существа.

Редко кто заглядывал в их души, и мало кто знал, что при регистрации им присвоены лишь нечётные номера.

